

Н. В. Шестеркина

**КОНЦЕПТ «ЦВЕТ» (БЕЛЫЙ):
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ**

Рассматриваются концептуально значимые символические и оценочные характеристики белого цвета в составе русских паремий, выявляется его этническая релевантность. Для сравнения приводятся немецкие народные устойчивые изречения.

The article deals with symbolic and axiological conceptual characteristics of the white colour in Russian proverbs. The author shows the ethnic relevance of this colour term. Russian proverbs are compared to German folk set expressions.

Ключевые слова: народная культура, концепт, паремии, коннотации, метафоры.

Key words: ethnic culture, concept, proverbs, connotations, metaphors.

В современных научных исследованиях имеются разные точки зрения по вопросу о том, что в соотношении мира и первочеловека является моделирующим, а что моделируемым, первичен ли антропоморфный код, которым описывается Вселенная, или космологический код, с помощью которого можно описать тело человека. По мнению В.Н. Топорова, в настоящее время можно достаточно уверенно говорить, что роль источника следует отдать *человеку* и его *телу*. По этой модели мифопоэтическое сознание первоначально строило описание Вселенной. Организм человека и его функции во всем многообразии телесного и душевного опыта образуют основу архаической классификации (ср. оппозиции: правый – левый, верх – низ, чет – нечет, огонь – вода и другие, различие первоначальных цветов – красного, белого и черного, соответствующих крови, молоку и продуктам человеческого тела, появляющимся при повышенном эмоциональном напряжении; сама сублимация физиологического опыта обычно объясняется избытком энергии космического происхождения) [19, с. 67].

В.Н. Топоров отмечает, что цвет неотъемлем от пространства, а для зрительно-цветовых знаков важнее пространственное измерение, чем временно е [19, с. 104]. В природе и в культуре определяется универсальное значение категории цвета. В. Тэрнер, исследуя проблему цветовой классификации у африканского племени ндембу, выявил, что в их языке только белый, красный и черный цвета обозначаются самостоятельными словами, остальные передаются производными терминами или «подверстываются» к одному из этих трех цветов. Автор отмечает, что цветовой символизм ндембу отличается исключительной полнотой. Он реализуется и в особом ритуале, начинающемся с «тайны трех рек», где главная – река белизны, младшая – черноты, а река красноты (канавка с водой, подкрашенная кровью или краской) символизирует мужчину и женщину, смешение крови, порождающее ребенка, и в учении о цветовой символике, излагаемом иницируемым в виде наставлений [21, с. 50–81; 23].

В народной культуре цвет – один из элементов, при помощи которых создается модель мира, в которой он приобретает символические характеристики. Л. Раденкович предлагает говорить как о цветовом коде, реализующемся в текстах традиционной культуры, так и о возможности замены его каким-либо другим кодом (например, кодом растений, животных, предметов, металлов, пространственно-временным кодом и т.п.), несущим ту же информацию [17, с. 122]. Для мифологического сознания характерен оппозитивный тип мировидения. Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров отмечают, что оппозиция *светлый – темный* имеет вариант *белый – черный*, вариантами которого, в свою очередь, являются *красный – черный* и *золотой – черный*. Иногда как аллоэлемент *черного* выступает *зеленый*, возможно, как символ лесного, чуждого мира, выступающий в качестве дополнительного цвета к *красному*. Авторы приводят примеры, иллюстрирующие существенность характеристики этих противопоставлений через *белое (красное)* или *черное*, причем все сочетающееся с белым обладает положительным значением, а с черным – отрицательным (ср., например, *белый день; красное солнце; черная ночь* и т.д.). В ряде текстов отражается и противопоставление *белого* или *красного* *черному* [7, с. 138–139].

Чаще в пословицах и поговорках вербализуются концепты белого, черного и красного цветов, представленные своими названиями. Цель статьи – концептуальный анализ структуры этих концептов. Значимость данных цветов проявляется на ранних стадиях развития культур. А. Вежбицкая указывает, что в языках первой ступени эволюции вначале появляются обозначения

цветов, которые определяются как макробелые, макрочерные и макрокрасные (их значения покрывают собой и другие близкие цвета) [4, с. 267–276].

Паремиологические фонды хранят информацию о материальной и духовной культуре, мифологии, мировидении носителей языков, включая аксиологическую ориентацию. Цветовые концепты нередко участвуют в формировании значения паремий вследствие актуализации присущих им скрытых оценочных смыслов. В паремии либо сохранено представление о цвете, либо утрачено вследствие переосмысления, метафоризации [6, с. 138]. Аксиологическая ориентация цветообозначений обусловлена их концептуальными связями с прототипами – типичными носителями цвета. В качестве прототипов, формирующих ценностное представление о цвете, выступают универсальные элементы человеческого опыта: «день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля» [5, с. 283], которые являются одновременно и архетипами – мифопоэтическими символами. А.А. Потебня называет важнейшими архетипами славянской культуры, как и других индоевропейских культур, *огонь* и *свет*, что подтверждают языческие культы. С ними концептуально связаны другие ключевые слова-символы, к которым автор относит и цветообозначения *белый / красный / черный*. В том же ряду представлены *тьма / ночь, горечь / сладость* и др. [16, с. 287–378].

Н.А. Кипиани считает лексему *белый* постоянным эпитетом славянской народной поэзии, восходящей к эпохе доисторической и содержащей в том или ином виде явные признаки своего мифологического происхождения. Важным считает автор анализ коннотаций этого слова, представляющих собой «форму ценностного освоения мира». Он отмечает, что в художественном контексте эпитет *белый* приобретает значения «красивый, прекрасный», «лучший», «славный, достойный», «богатырский», «милый, любимый», «святой, священный», «удалой». Эти значения передают концептуально значимые ценностные характеристики, где отчетливо выделяются эстетический, этический, эмоциональный уровни [11, с. 13]. Н.А. Кипиани считает, что генезис, функционирование и эволюция поэтической формулы – постоянного эпитета *белый* – история человеческой мысли, в которой мировосприятие подверглось духовной обработке, что последовательность развития значений в эпитете *белый* идет от идеи света к идее благого и прекрасного. Символ «свет» как социокультурное кодирование прекрасного един для разных эпосов. В фольклоре символом красоты являются светоносные реалии – солнце, заря, луна, звезды, месяц. Кроме символов способом создания смысла выступают сравнения – форма ценностного освоения мира. Тогда для передачи красоты используется не цвет, а свет [11, с. 15–16]. В следовании смыслов «прекрасное» связано со светом. «Красное солнце – прежде всего светлое, потом прекрасное» [16, с. 306].

В.А. Маслова пишет, что солнце – символ добра, тепла и ласки для славян, германцев и вообще всех народов умеренных широт, а в культурах арабских стран и Азии, «мучимых нестерпимым дневным жаром, солнце воспринимается как зло» [15, с. 40]. Но этот «климатический фактор» бессилён объяснить культ солнца, например, в Египте, стране с не менее нестерпимым дневным жаром. У древних солнце как светило сливалось с понятием светлого солнечного божества. Солнечный культ прослеживается во всех мифологиях мира. Солнце – наиболее яркий символ бога, сияние и свет воспринимались как эмблема божественной силы. На уровне древнего человека невозможно никакое мышление без признания разумной верховной волевой силы, не зависящей от человека, которая кладется в основу эстетических представлений человека. Бог-свет, бог-солнце – образец, идеал, чертами которого человек измерял прекрасное в себе и окружающем мире [11, с. 16].

В.Г. Кульпина относит термин белого цвета к *этнически релевантным* – то есть особенно важным для этноязыкового сознания цветообозначениям. «Белый» может выступать как *постоянный эпитет*, маркирующий положительные свойства людей и предметов [14, с. 133]. Ю.И. Смирнов указывает: «У славян свой этнический мир всегда описывается светлыми красками. Свой этнический цвет – белый...» [18, с. 60]. 'белая' (о девушке) – хорошая, своя, наша [Там же]; 'белая береза' – хорошее, любимое дерево [13, с. 295, 425]. Этимологически слово *белый* исконнородственно др.-инд. *bhālam* 'блеск', *bhāti* 'светит, сияет', литов. *bolūoti* 'отливать белым, белеть', латыш. *bāls* 'бледный, блеклый', литов. *balas* 'белый' (Фасмер); ст.-слав. *бѣль* (а также *бѣлити* и *бѣлость*) [6, с. 106].

В словаре В. Даля говорится: «БЕЛЫЙ, о цвете, масти, краске: бесцветный, противный черному. | | В сравнительном смысле, светлый, бледный. | | Чистый, незамаренный, незапятнанный» [7]. Однако не всегда было так. В.В. Колесов утверждает: если соотнесение слов *свѣтлый* – *тѣмный* дает основание предполагать и «морально-оценочное» значение этой пары слов, и общее значение цвета, то почти полное отсутствие в древних текстах противопоставления *бѣлый* – *чѣрный* является доказательством первоначально не цветового значения слова *бѣлый*, во всяком случае

неактуальности такого значения в древнерусской системе. Множество контекстов, связанных со значением качества, дает общее значение 'чистый, неокрашенный, светлый', хотя характер сравнения указывает на *белизну* как основную характеристику этой чистоты [12, с. 550]. По Р.В. Алимпиевой, семантическая структура слова *белый* в современном языке может быть представлена в следующем соотношении сем: 'белый' > 'чистый' > 'светлый' [1, с. 22, 26]; историческая последовательность развития: 'сверкающий' > 'светлый' > 'белый' > 'чистый'.

По В.В. Колесову, у *бѣль* прежде всего значение 'светлый, светящийся'. Свечение белого сопровождается блеском. Для автора значимо сопоставление слов *бѣль* и *синь*, так как общее семантическое ядро значений этих слов – понятие 'сияние, отблеск' [12, с. 551]. Автор отмечает, что в предельно отвлеченном или, напротив, в самом конкретном по содержанию тексте *бѣлый*, как бы преломляя свое основное значение, «поднимается до более широкого обобщения – 'чистый – светлый' (стены, башни и столпы священных храмов: они сделаны из известняка или мрамора, но еще и светлые = нарядные), а если исходить из сокровенного смысла описания святых мест, они также и чистые = честные...» [12, с. 553]. *Белое* сравнивается с *чистым золотом*, речь идет о светлом блеске.

Во многих текстах, на основании которых В.В. Колесов судит о семантике древнего слова, *бѣлый* противопоставлен не черному, а *червленому*; это противопоставление того же рода, что и оппозиция света цвету, так как в древней поэтической системе реальным воплощением цвета был именно красный цвет любого тона. «Поэтому только в сопоставлениях червленого и белого мы можем определенно видеть упоминания 'белого цвета'...» [Там же]. Во многих памятниках, не отражающих цветовых обозначений, возникает на символическом уровне своеобразное дублирование *свѣта-свѣтлого* – *тѣмь-тѣмьному*, и осуществляется оно лексемами *бѣль* – *чѣрнь*. Наложение и частичное совмещение оппозитивов *светлый* – *темный* и *белый* – *черный* осуществляется в художественных текстах и приводит к известному теперь соотношению *белый* – *черный* [12, с. 554]. В.В. Колесов заключает, что реальность семантического движения слова может быть обоснована противопоставлением другим единицам (*синий, черный, красный*), правилам сочетаемости слов в определенных художественных и переводных контекстах, постепенным вычленением самостоятельных лексем для передачи значений, которые были основными (создаются образования *блѣстящий* и *прозрачный*, затем *свѣтлый*, позже всех – *чистый* в данном значении) [12, с. 558].

Наш анализ показывает, какие концептуальные признаки (КП) выделяются в структуре концепта *белый* в паремиях (в скобках указана страница, на которой находится паремия в сборнике [8]). «Белый цвет»: *Бел, как лушь, как плат (полотно, скатерть, полотенце), как стена, как снег. Белее снега белого* (321); *Позвать Ивашку, белую рубашку* (462).

Белый и черный цвета, как и связанные с ними концепты *свет* – *тьма*, *день* – *ночь*, рассматриваются как противоположные сущности. Вероятно, поэтому выделяется КП «Белый (цвет, масть) как противоположность черному»: *Черная коровка дает белое молочко* (321); *Как так: корова черная, а молоко белое? Вот диво: черная коровка, белое молочко* (393); *Черна коровка, да бело молочко* (447); *Бел снег, да не вкусен. Черен мак, да бояре едят* (407); *Из черного не сделаешь белого; Черное к белому не пристанет. Белишь, беливать* что, обращать вещь в белый цвет; обесцветить что-либо, заставив выцвести, вылинять добела; окрасить белой краской. *Не все то белиш, что бело; не все и чернит, что черно* [8]. В.Г. Кульпина пишет, что в оппозиции *белый* – *черный* белый цвет с древнейших времен выполняет символическую функцию. Это противопоставление делит сущности на две группы, например: 'белое духовенство – черное духовенство'. Оппозиция может принимать и вид противопоставления внешнего и духовного: *Рубаха черна да совесть бела* [14, с. 134].

«Чистый, опрятный»: *К чему бело умываться, коли не с кем целоваться* (318); *Мойся беленько, гости близенько* (332); *Мойся, хоть кожу сотри, а белее воды не будешь* (407); *Как ни мойся, белее снегу не будешь* (609); *Белая изба, или белая половина*, зовется у крестьян чистая половина, горница, с голландской печью. Говорят также: *изба или печь по-белому, по-черному* [8]. Цветообозначения в паремиях выражают утилитарную (рациональную) оценку. Славяне оценивали реалии с позиций пригодности, практической полезности. Большинство таких паремий построено по принципу контраста: *Мыло серо, да моет бело* (321). Полагают, что утилитарная оценка реалий с точки зрения вреда или пользы, исходящей от них, – одна из наиболее древних в язычестве [6, с. 143].

В.Г. Кульпина отмечает, что с семой чистоты созвучна древнейшая символическая функция белого цвета – выражение святости [14, с. 133]. В древних памятниках частотны словосочетания «белые ризы» и «св. Георгий на белом коне», в которых белый цвет является лишь средством выразить главное – причастность к святости [3, с. 26–27]. Полярная оценочная ориентация цветоконцептов развивается на основе их осмысления как противоположностей. При этом оценочное отношение к белому цвету формирует прототип *свет*,

а к черному *тъма*. В результате *белый* становится эталоном позитивной оценки, а *черный* — негативной. В словаре символов указывается, что «белый — позитивная сторона антитезы “черное — белое” во всех символических системах» [20, с. 23].

«Чистый, непорочный, незапятнанный»: *Этого ни забелить, ни закрасить* (317); *Рубашка беленька, да душа черненька* (321); *Поганое к чистому не пристанет. Черное к белому не пристанет* (407); *Видь на крыльцо, покажи свое белое лицо* (550); *Что кому за дело, что жена моя не бела: я и сам не хорош* (438); *Рубаха черна, да совесть бела. Рука руку моет, и обе белы живут. Говорит бело, а делает черно. Бел лицом, да худ отцом. Черные ризы не спасут, белые не погубят. Рыло черно, да совесть бела. Рубашка беленька, да душа черненька. Кто смел, тот и бел* [8].

«Красивый»: *Бела, румяна — ровно кровь с молоком* (321); *Набелилась, нарумянилась, насурьмилась и раздушилась* (408); *Мило не мыло, а беленькое личико* (534); *Кругла, пухла, бела, румяна, кровь с молоком* (538); *Не к роже белила, не к очам сурьма...* (493); *Родился сын, как белый сыр. Белянчик м. белянка, беляночка ж. беляюшка арх. Белолицый, чистый лицом; | | белокурый, светлорусый; | | ласкат. Красавчик, пригоженький. Белила ср. мн. белая краска для белки, окраски, живописи, для беленья или притирания лица. На шильце, на мыльце, на алье румяна, на белые белила собирают дружки отдарки невесте* [7]. Ф. И. Буслаев исконным значением *бълъ* считал ‘прекрасный, светлый’: «Ограничение... слова названием известного цвета есть позднейшее» [4, с. 45—46]. «Внешняя обманчивость»: *Бело, да звону нет (да не серебро)* (502); *Личиком беленок, да умом простенок* (503); *Личико беленько, да ума маленько. Белила не сделают мила* [8]. «Ленивый»: *Белые ручки чужие труды любят* (321).

У Даля зафиксировано также значение «белый свет, белсвет, вольный свет, открытый мир, свобода на все четыре стороны; весь свет, мир, вся земля наша и все люди». В нашем материале встретился также КП «мир, окружение»: *Свет бел, да люди черны* (321); *Красное солнышко на белом свете черную землю греет* (322); *Дружка нет: не мил и белый свет* (534); *Без тебя опустел белый свет* (534); *Не роди матери на белый свет. Выйду погулять, на белый свет позевать* [8].

«Достаток»: *Белая денга про черный день* (338); *Работа черна, да денежка бела* (349); *Черны ручки, да бела копеечка* (448); *Полуби-ка нас черне, в беле-то и всяк полюбит* (321); *Белый, или вкрасне, в чистом, опрятном виде, в холе и довольстве* [22]. «Свое — чужое»: *Твое хоть дороже (белее), а свое мне милее* (423); *Всякое свое и не мыто бело* (423); *Моя роденька личиком беленька*. В паремиях народная культура проявляет относительность оценок «хорошо» — «плохо». «Невозможность исправить»: *Черного кобеля не вымоешь добела* (454); *Кто кому миленок, и не умыт беленок* (505). «Радость»: *Белое — венчальное, черное — печальное* (321) — поговорка связана со свадебным обрядом, предполагающим невесте носить черную одежду, и только непосредственно перед свадьбой — белую. С просватанья невеста в собственном доме — «гостя», обязанная прятать лицо под черной фатой, она считается святой. Черная фата невесты была оберегом от внешних враждебных сил. Эта ситуация — ритуал перехода, возможный только через умирание (ср. с обрядом инициации). За «временной смертью» следует «воскресенье» невесты, траурные одежды меняются на праздничные, светлые [9, с. 83—101].

Положительная оценка белого связана с добрыми приметами: *Если белого голубя бросить на пожар, погаснет* (694); *Красный огонь в печи — к морозу; белый — к оттепели* (677); *Черная и пестрая корова впереди стада — к ненастью; белая и рыжая — к вёдру* (682). В паремиях белый также употребляется в качестве устойчивого эпитета: *Под светлым месяцем, под белыми облаками, под частыми звездами* (737); *Стань, белая береза, у меня назади, а красная девица наперед!* (737); *Не сизый орел, не ясный сокол подымается... Не лебедь белая выплывала... не белы снеги в чистом поле забелелись* (737). Концепты цвета в составе паремий выражают различные типы эстетической, эмоциональной, этической, утилитарной оценки [6, с. 139—140]. Эстетическую оценку цветообозначения реализуют в паремиях, характеризующих внешность человека, — в древности у славян красота определялась признаками физического здоровья: *Бела, румяна — ровно кровь с молоком*. В словаре В. Даля встречаем: *Всего милее, у кого жена всех белее*. В паремиях цветообозначения выступают и в символических значениях, имеющих национально-культурный ассоциативный фон. В пословицах концепт *белый* зафиксирован как символ Руси, родины: *На белой Руси не без добрых людей. Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная...* В. Даль указывает: «Народ называет белым: веру свою, царя и отечество» [9].

В немецком языке белый и черный цвета тоже полные противоположности: *Das ist wie schwarz und weiss* — это как день и ночь / как небо и земля / как совершенно разные вещи; *Der eine sagt weiss, der andere schwarz* (Б); *Weiß erkennt man am besten, wenn man schwarz dagegen halt* (AS); *Was schwarz ist, muss man nicht weiss nennen* (Б) — нельзя называть черное белым, выдавать черное за белое, извращать истину; *Auch eine schwarze Kuh gibt weisse Milch* (Б); *Auch ein schwarzes Huhn legt weisse Eier* (Б); *Die schwarzen Trauben sind so süß als die weißen* (AS); *Ein weisses Kleid schützt nicht vor einem schwarzen Namen* (Б); *Wer andere anschwärzt, ist darum nicht weiss* (Б); *Wer andere schwarz macht, ist*

selber noch nicht weiss (Б). Следует отметить сравнительно небольшое количество немецких пословиц с прилагательным *weiss*, особенно по отношению к номинации *schwarz*.

«Написанное чернилами»: *Schwarz auf weiss behält den Preis* (Б) — что написано пером, не вырубить топором. *Schwarz auf weiss* означает «gedruckt, schriftlich». В словаре [25] по этому поводу дается следующий комментарий «Die Wendung bezieht sich auf die schwarze Tinte bzw. auf die Druckerschwärze (выделено нами. — Н.Ш). Allgemein bekannt wurde sie durch das Zitat aus Goethes "Faust" (1. Teil, V. 1966f.): "Denn was man Schwarz auf weiss besitzt, kann man getrost nach Hause tragen"» (D). В следующих поговорках сохраняется тот же смысл словосочетания: *Schwarz auf weiss gilt* (Б); *Schwarz auf weiss macht heiss* (Б); *Schwarz auf weiss redet noch, wenn's niemand weiss* (Б); *Schwarz auf weiss scheidet die Leute* (Б); *Schwarz auf weiss oder gar nicht* (AS); *Schwarz auf weiss redet* (AS). В пословице *Er malt schwarz und weiss aus einem Tiegel* (AS) — черпать из одного источника совершенно разное — отражается смысл «одно и то же блюдо под разным соусом». Следующая поговорка учит быть всесторонним и уметь делать все: *Man muß Fuchs und Hase sein, Weiss und Schwarz können* [AS].

Таким образом, при некотором совпадении аксиологически ориентированных содержательных характеристик концепт *белый* в русских и немецких устойчивых народных изречениях реализует также значения, обладающие национально-культурной спецификой. Однако немецкая группа поговорок с прилагательным *weiss* немногочисленна.

Список литературы

1. Алимтчиева Р. В. Семантическая структура слова *белый* // Вопросы семантики. Вып. 2. Л., 1976. С. 13–27.
2. Б. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки. М., 1989.
3. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
4. Буслев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслевым. М., 1848.
5. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 267–283.
6. Григорук С. Концепт цвета в русской и украинской народной паремиологии (аксиологический аспект) // Слово. Фраза. Текст. М., 2002. С. 137–144.
7. Даль В. И. Толковый словарь. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/article/dal/03160/28400.htm>.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2004.
9. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
10. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
11. Китиани Н. А. Этноконнотации как путь к осмыслению феномена человека // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. М., 2009. С. 12–18.
12. Колесов В. В. Белый // Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб., 2004. С. 550–559.
13. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М., 2001.
14. Кульпина В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М., 2007. С. 126–184.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
16. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989. С. 287–378.
17. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 122–148.
18. Смирнов Ю. И. Славянские фольклорные представления о других народах // Древняя Русь и Запад. М., 1996. С. 60–62.
19. Топоров В. Н. Пространство и текст // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 55–118.
20. Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
21. Тэрнер В. У. Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах // Семиотика и искусствознание. М., 1972. С. 50–81.
22. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
22. (AS) Alle Sprichwörter. URL: <http://www.alle-sprichwoerter.de/cgi-bin/selector.cgi#>.
23. (D) Duden in zwölf Bänden. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2002. Bd. 11.

Об авторе

Наталья Викторовна Шестеркина – канд. филол. наук, доц., Мордовский государственный университет, e-mail: nvshest@mail.ru

Authors

Natalia Shesterkina – PhD, associate professor, Mordovian State University, e-mail: nvshest@mail.ru